УДК 339.977 DOI: 10.22394/2079-1690-2020-1-3-103-109

ПЕРСПЕКТИВЫ ВОССТАНОВЛЕНИЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ В ПОСТПАНДЕМИЙНЫЙ ПЕРИОД В РАМКАХ РАЗНОСРОЧНЫХ СЦЕНАРИЕВ

Волков Геннадий Юрьевич кандидат экономических наук, доцент кафедры международных экономических отношений, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: gwolkow061@rambler.ru

Аннотация

В статье анализируются проблемы восстановления мировой экономики в современных условиях. Рассматриваются основные природно-экономические, финансовые и другие факторы, определяющие развитие российской экономики в период преодоления последствий пандемии, вызванной коронавирусной инфекцией.

Ключевые слова: *российская экономика, мировая экономика, ВВП, процесс восстановления, внешняя задолженность, инвестиционная активность, потребительская активность, торгово-экономические санкции, процесс ослабления рубля.*

События в мировой экономике на протяжении 2020 года явились отражением целого ряда факторов экзогенного характера, среди которых лидирующие позиции занимают антироссийские торгово-экономические санкции, события на территории США и максимальные ограничения, введение которых обусловила пандемия, вызванная COVID-19.

Для большинства аналитиков максимально значимым является вопрос, в рамках каких схем будет развиваться мировая экономика в кратко- и среднесрочной перспективе. Попытка создания компьютерно-математических моделей экономико-политического развития человеческой цивилизации позволяет выделить ряд сценариев, определяющие характеристики которых начинаются от самых оптимистичных до наиболее негативных.

Одновременно необходимо особо подчеркнуть тот факт, что на фоне быстро развивающейся пандемии и ответных мер экономическое прогнозирование стало трудноосуществимым. Например, Организация экономического сотрудничества и развития отменила свой мартовский выпуск прогнозных индексов развития экономик [1, с. 157–198].

Для российского государства, находящегося под постоянно углубляющимся санкционным давлением с одной стороны, и хронической зависимостью экономики от спроса на мировом рынке сырья, с другой, проблематика перспективного развития представляет особую актуальность. Это объясняется, прежде всего, падением спроса на российские топливно- сырьевые позиции, вследствие сокращения объемов производственного потребления в условиях карантинно-профилактических мер и высоким риском введения новых ограничительных мер в условиях роста заболеваемости, вызванной COVID-19.

Согласно опубликованных данных агентства Bloomberg, ближайшие два года, пандемия COVID-19 лишит мировую экономику $5,5 трлн.[1]

Несмотря на тот факт, что согласно прогнозу, спад будет недолгим, как минимум до конца 2022 года, даже при условии сохранения беспрецедентного уровне монетарных и фискальных стимулов, ВВП вряд ли вернется к своему докризисному тренду.

Одновременно группа экспертов Института международных финансов (IIF) пришла к выводу. что в 2019 году размер общемирового долга вырос более чем на $10 трлн и достиг рекордного уровня – $255 трлн. Таким образом, этот показатель фактически эквивалентен 322% глобального ВВП[2].

Необходимо отметить, что проблема роста внешней долговой зависимости особенно актуальна для российского государства, которое вынуждено расширять объемы внешних и внутренних заимствований для компенсации экономико-социальных потерь, вызванных карантинными ограничениями, поддержания российской экономики на должном уровне при одновременном покрытии федерального бюджета. При принятии данного решения определяющим

[1] https://www.rbc.ru/economics/09/04/2020/5e8ec97f9a79478537a44e47
[2] Там же.

фактором явилось изначальное преобладание в структуре госдолга внутренних заимствований, при одновременной оценке объемов внешней задолженности на уровне 5,3 трлн рублей

В частности, по отчетам аналитиков Центробанка РФ по состоянию на 1.01.2020 года размер внешнего долга РФ составил $490,8 млрд (по итогам 2019 года сумма долга увеличилась на $35,8 млрд). Главной причиной динамических изменений аналитики считают явную отрицательную переоценку, обусловленную поступательным процессом ослабления рубля[1].

Специалисты считают, что объем госдолга в 2021 году достигнет 20,3% ВВП, в 2022 году - 20,8% ВВП, а к концу 2023 г. увеличится до 21,3% ВВП, или до 28,3 трлн руб. Расходы по его обслуживанию возрастут с 900 млрд руб. в 2020 году до суммы свыше 1,6 трлн руб. в 2023 году[2].

Согласно опубликованному отчету Счетной палаты, по итогам 2020 года объем привлечения внутренних госзаимствований для покрытия дефицита федерального бюджета, который согласно прогнозу, может достичь 5% ВВП (что в стоимостном выражении составит примерно 5 трлн руб.) и будет оцениваться в 4,1 трлн руб., достигнув максимальной отметки за 15 лет.

Помимо проблемы внешней задолженности, резко обостряется проблема сохранения сложившейся системы МРТ. Данные, опубликованные в докладе Международного торгового центра (МТЦ), говорят о том, что в 2020 году из-за глобального сбоя производственно-сбытовых цепочек в США, ЕС и Китая в связи с пандемией COVID-19 мировая экономика потеряла по меньшей мере 126 миллиардов долларов[3].

Данные, содержащиеся в докладе, позволяют говорить о том, что, хотя остановка производственных циклов имели место в большинстве стран, наибольшее воздействие на торговлю оказали именно остановка производства в Китае, ЕС и США, на которые в совокупности приходится 63% мирового импорта и 64% экспорта производственно-сбытовых цепочек.

Пандемия, обусловленная влиянием COVID-19, спровоцировала резкое изменение отношений между Китаем, с одной стороны, и ЕС и США с другой. Суть изменений заключается в стремлении представителей крупнейших европейских и американских ТНК к выводу производственных цепочек, ранее вынесенных на территорию КНР, в национальные регионы.

Причиной такой реверсивной тенденции специалисты видят в возросшей степени уязвимости производственных цепочек, функционирование которых было существенно нарушено (или вообще разорвано) в результате активного использования политики карантинных ограничений. Перебои в работе цепочек объективно спровоцировали необходимость ускоренного поиска альтернативных поставщиков, прежде всего в фармакологическом сегменте и производстве медицинского оборудования.

Согласно прогнозным оценкам аналитиков Bank of America, вывод производственных мощностей из Китая на протяжении последующих 5 лет американским и европейским компаниям обойдется как минимум в триллион долларов.

В частности, в представленном отчете банка было отмечено, что с перебоями в цепочке поставок из-за коронавируса столкнулись более 80% глобальных секторов, а более 75% из них расширяют планы возвращения производства из-за рубежа[4].

Анализ данной тенденции позволил большинству эксперты сделать вывод о том, что фактически наступил конец «эры глобализации», на смену которой приходит ярко выраженный поворот в сторону процессов локализации. В качестве решающей причины такого разворота специалисты выделяют активную фазу противостояния между США и КНР, когда с 2018 года фактически была начата торговая война между двумя державами. Поскольку ЕС находится в жесткой политической зависимости от США, фактически оказавшись неспособным на структурирование собственного курса, поддержка противостояния необратимо спровоцировала начало распада глобальной системы на политико-экономические блоки.

Одновременно аналитики особо выделяют тот факт, что уровень конкурентоспособности большинства американских и европейских ТНК был достигнут благодаря экономии на оплате труда, системе налоговых льгот и дешевых факторах производства. При возвращении производственных процессов на национальную территорию уровень конкурентоспособности резко снизится, а в некоторых сегментах может упасть до критических отметок.

---

[1] https://www.rbc.ru/economics/13/04/2020/

[2] Там же.

[3] https://ria.ru/20200622/1573320326.html

[4] https://expert.ru/2020/08/21/proschaj-kitaji/

Данное обстоятельство с новой силой актуализирует проблематику использования системы мер господдержки и госгарантий. Даже самый поверхностный анализ позволяет говорить о том, что практически у всех стран в пакете мер присутствует значительный объем госгарантий. Кроме того, большинство центральных банков снизили свои ключевые ставки и расширили программы ликвидности для коммерческих банков [2, с. 357].

Для России анализ последствия процессов торможения темпов экономического развития также представляет актуальность, особенно в разносрочной перспективе. По итогам расчетов, выполненных экспертами Российской академии народного хозяйства и госслужбы (РАНХиГС), во II квартале российский ВВП упал на 7,5% к уровню прошлого года (для сравнения: в I квартале снижение не превышало 0,5%). Особенно сильно пострадали семь секторов: оптовая и розничная торговля, транспорт, строительная отрасль, АПК, обрабатывающая промышленность и сфера услуг[1].

Оценка РАНХиГС оказалась оптимистичнее оценки Росстата, по данным которого ВВП во втором квартале сократился на 8% по сравнению с таким же периодом 2019 г. Согласно данным, опубликованным Росстатом, потери российской экономики от коронавирусной пандемии оцениваются минимум в 3,7 триллиона рублей, при этом показатель «прибыль минус общий убыток» составил 4,3 триллиона рублей[2]. Аналитики пришли к выводам, что больше всего прибыльных фирм и организаций оказалось в отрасли трубопроводного транспорта (87,9%), меньше всего – в сфере железнодорожной логистики (21,4%).

Традиционно в качестве отправных моделей учитываются те, которые были разработаны на перспективу экспертами Банка России. Представленные прогнозы максимально учитывают определяющие риски, прежде всего экзогенного характера, для последующей разработки комплекса мер по их минимизации.

Однако у разработанного сценария имеется принципиальное отличие от предшествующих. Главной его особенностью можно считать исключение цены на нефть в качестве базисной предпосылки моделирования альтернативных вариантов развития. В рамках нового подхода показатели объемов нефтедобычи и прогнозные цены мирового нефтяного рынка включены в качестве одного из элементов в совокупность эпидемиологических рисков, изменений бюджетной консолидации, реальной скорости и времени восстановления оптимального уровня потребительского спроса и показателей инвестиционной активности.

Причиной перехода к новой прогнозно-расчетной методике можно считать объективную недооценку глубины последствий карантинно-профилактических ограничений, временной фактор и реальный объем совокупных потерь. На глобальном рынке имел место обвал показателей как совокупного спроса, так и совокупного предложения. Ситуацию усугубили фактор неопределенности применительно к любой прогнозной деятельности в условиях пандемического кризиса и фактическое отсутствие медикаментов, способных максимально снизить риск заболеваемости.

Используя методику компьютерно-математического моделирования, особое внимание было уделено вероятностным изменениям поведенческой потребительской и инвестиционной моделей [5, с. 35]. Именно риски неопределённости в данном секторе и вызывают особое опасение аналитиков, поскольку даже в рамках самого оптимистического сценария тренд на снижение неизбежен. В условиях снижения темпов развития экономики ключевые игроки будут стремительно переходить в режим строгой экономии, что будет отражаться на всех сферах мирового производственно-финансового комплекса.

За отправную точку базисного сценария был взят уровень спада показателей российского ВВП по состоянию на 2020 год, составляющий в среднем 4,5-5%. В рамках оптимистичного прогноза, учитывающего поэтапную реализацию основных направлений реализации единой государственной денежно-кредитной политики на протяжении 2021–2023 гг., возможность выхода на показатели докризисного периода проявится уже к концу 2022 г.

С другой стороны, наиболее пессимистичный сценарий предполагает существенно более долгий восстановительные период, который, согласно расчетам, может начаться не раньше конца 2024 г.

При разработке сценария специалисты стремились максимально учитывать важнейшие законы рыночной модели с соответствующей поправкой на реалии постиндустриального

[1] https://sib.fm/news/2020/09/12/podschitany-poteri-rossijskoj-ekonomiki-ot-koronavirusa
[2] https://sib.fm/news/2020/09/12

производственного процесса и глобальной трансформации. Согласно внутренним тенденциям рыночной экономики, в качестве драйвера выступит процесс восстановления потребительского спроса в условиях поэтапного снятия карантинно-профилактических мер и ограничений.

Для российской экономической модели такой подход представляет существенную значимость в силу специфики экономической модели – сохранения дисбаланса между сектором производства товаров и оказания услуг в сторону производственной деятельности. Тот факт, что наиболее уязвимым к введенным ограничениям оказался сектор услуг, в отношении которого и был введен максимальный набор ограничительных мер, позволил минимизировать негативные последствия пандемии для производственной сферы.

Учитывая данный факт, эксперты высказывают предположение относительно того, что уже по итогам 2021 г. можно ожидать реального восстановления поступательного роста российского ВВП примерно на 3,5-4,5%, с последующим сохранением этих показателей в краткосрочной перспективе. При этом, принимая в качестве отправного показателя уровень инфляции по итогам 2020 года на уровне 3,7-4,2%, высказывается осторожное предположение относительно того, что по итогам следующего, 2021 года, показатель роста потребительских цен может опуститься ниже отметки таргета примерно на 3,5 – 4,1%.

В качестве особой проблемы рядом экспертов выделяются прогнозные оценки показателя средневзвешенной цены мирового нефтяного рынка Urals на конец 2020 года, которая может составить примерно $38 за баррель. Темп роста цены аналитики оценивают, как относительно низкий, и прогнозируют увеличение не более, чем до $40 за баррель в 2021 году и $45 за баррель в 2022 году. В среднесрочной перспективе прогнозируется дальнейший незначительный рост, обусловленный восстановлением производственных мощностей и ростом спроса в постпандемийный период. Принимая во внимание сохранение уровня воздействия экзогенных факторов и реалии развития российской экономики в рамках политики импортозамещения, аналитики выделяют вышеупомянутую перспективу в качестве базисного сценария развития для российской экономики.

Относительно медленные темпы создания действенных препаратов для борьбы с COVID-19, скорость мутации вируса и его адаптация к применяемым препаратам, позволяют говорить о возможности реализации другого сценария, основу которого составляет более медленные темпы восстановления потребительского спроса. На скорость восстановления решающее воздействие будут оказывать сохранение карантинных ограничений и темпы расширения пандемии в условиях поспешной отмены введенных ограничительных мер [6, с. 27].

При таком развитии спрос сырьевого рынка либо останется на настоящем низком уровне, либо продолжит падение. Неизбежным следствием этого станет продление соглашения стран ОПЕК+ о сокращении нефтедобычи, что, в свою очередь, обусловит дальнейшее снижение спроса. Показатель цены в данном случае не превысит отметки до $35 за баррель вплоть до середины 2023 г., когда не исключен некоторый рост, который прогнозируется на уровне не выше $48–$50 за баррель.

При реализации данной модели российская экономика будет восстанавливаться достаточно медленно, что не позволит вернуться показателям потребительской активности к допандемийному уровню. Более того, сохраниться тенденция к сохранению ужесточению режима строгой экономии в условиях реального падения уровня доходов.

Особую тревогу в рамках реализации данного сценария вызывает крайне высокая вероятность снижения бизнес-активности при реализации любых инвестиционных проектов и «замораживание» на неопределённый срок проектов, находящихся на различной стадии реализации в силу сохранения высокого уровня общей политико-экономической неопределенности и усиления воздействия экзогенных рисков.

Учитывая уже отмеченные показатели спада в 4,5–5,5% по итогам 2020 г., показатель восстановительного роста национального ВВП в 2021 г. не превысит отметки в 1,5% (по самым оптимистичным прогнозам, максимум 2,5%). Небольшое ускорение возможно не раньше конца 2022 г., однако в рамках самого позитивного прогноза, этот показатель не превысит отметки в 3%. Иными словами, процесс восстановления до уровня показателей докризисного периода может ожидаться не раньше, чем через 3 года.

Третий сценарий исходит из предпосылки, что выделяемые объемы поддержки российской экономики используемыми мерами бюджетной политики, объективно начнут постепенно

снижаться, достигнув по итогам 2023 г. уровня расходов, полностью соответствующему параметрам бюджетного правила. Кроме того, необходимо одновременно предусмотреть снижение ключевой ставки до 5,5%, смягчение условий кредитования для торговых предприятий и другие меры [3, с. 107]. При этом данный сценарий рассматривается в качестве крайне негативного, поскольку потенциал российской экономики достигнет максимально низких показателей за минимально короткий срок.

В качестве позитивной составляющей принимается допущение о снижении темпов распространения эпидемии COVID-19 и совокупных эпидемиологических рисков. Цена на сырую нефть в рамках данного сценария должна остановиться на отметке в $35 за баррель на конец 2021 года и поднимется до отметки в $42 –$43 за баррель не раньше конца 2023 г.

Особую проблему составит уровень инфляции. Для того, чтобы суметь зафиксировать и удержать его на уровне в 3,8-4%, ЦБ объективно придётся использовать инструменты жесткой политики, что позволит искусственно сдерживать заданный уровень не только потребительской, но и инвестиционной активности. Возврат к политике нейтралитета возможен не раньше конца 2023 года, при условии достижения намеченных результатов. Вполне понятно, что при реализации данного сценария темпы восстановления российской экономики будут крайне низкими, и по итогам 2022года не превысят отметки в 1,5% (максимум 2,5%).

В рамках максимально пессимистичной модели специалисты исходят из того, что восстановление спроса может быть охарактеризовано как крайне слабое, при этом общее падение потенциала российской экономики будет оцениваться как максимальное. Поводом для такого прогноза является допущение крайне высокой вероятности глобального кредитного кризиса, спровоцированного «критической массой» госдолга ряда развитых стран [7, с. 27].

Вторым фактором, вызывающим максимальные опасения, выступает поступательный рост рисков геополитического характера, способных максимально дестабилизировать мировую экономику и обострить напряженность между ведущими странами вплоть до военного столкновения.

Третьим фактором выступает допущение о крайне высокой вероятности второй волны ограничений карантинно-профилактического характера, способных фактически уничтожить субъектов бизнеса, переживших первую волну.

Соответственно цена сырой нефти может обрушиться до уровня $25 за баррель, восстановление будет проходить крайне медленно, и только к концу 2023 года может приблизиться к отметке в $35 за баррель.

В качестве доминирующих негативных факторов, оказывающих деструктивное воздействие на процесс восстановления российской экономики, будут выступать факторы максимальной неопределенности и падения потребительской активности. При таком подходе, показатель роста национального ВВП не превысит отметки в 0,9% – 1%. Темпы роста будут крайне низкими и на конец 2023 г. не смогут преодолеть отметку в 2% (по самым оптимистичным оценкам – 2,5%). Особое внимание необходимо уделить проблематике реализации мер по стабилизации инфляции. Согласно прогнозным расчетам, относительная стабилизация инфляции на целевом уровне может быть достигнута не ранее конца 2023 – начала 2024 гг.

Отмеченные сценарии носят достаточно высокий вероятностный характер, однако не предполагают однозначной трактовки, поскольку при любом развитии событий определяющим останется фактор неопределенности в ситуации, когда помимо деструктивных факторов, связанных с пандемией, РФ придётся столкнуться с процессом расширения и усиления санкционного давления, а также ростом геополитической нестабильности.

Серьезную озабоченность специалистов вызывает скорость климатических изменений, вызванных процессами глобального потепления, оказывающих решающее воздействие на неизбежную трансформацию сложившейся агропромышленной модели.

В отличие от других стран, РФ смогла выйти из первой волны карантинных ограничений с меньшими потерями в силу неординарности экономической модели, которая практически не изменилась на протяжении переходного периода.

Специфичность структуры российской экономики проявляется в незначительной доле малого и среднего бизнеса, сохранении топливно-сырьевой ориентации экспорта и недостаточным объемом альтернативных товарных позиций, низким уровнем показателей производительности труда, конкуренции в условиях поступательного углубления монополизации.

При этом именно благодаря своевременно организованным мерам господдержки удалось смягчить негативное воздействие кризисного влияния.

Сохранение государства в качестве крупного собственника российской экономики позволило использовать принудительно-регламентирующие меры по контролю над развитием экономики. Речь идет о жестких требованиях государства к представителям крупного бизнеса по сохранению рабочих мест и выплаты зарплаты работникам, в качестве превентивной меры по сохранению необходимого уровня социальной стабильности. Однако одновременно в качестве поощрительных мер использовалась политика выделения финансовой господдержки, налоговых льгот, реструктуризация имеющихся долгов, целевые социальные выплаты и т.п., что не имело место ни в одной стране мира.

Однако, несмотря на относительную эффективность вышеуказанных мер, объемы господдержки начнут сокращаться в силу целого ряда обстоятельств, и, прежде всего, в силу необходимости наращивания объемов финансирования программы госвооружений. Рост угрозы военного конфликта, спровоцированного политикой США и НАТО, трансформируется в определяющий экзогенный фактор развития российской экономики. Следовательно, сохранение политики господдержки российского бизнеса в длительной перспективе представляется крайне маловероятным.

Кроме того, сохраняет свою актуальность и вся совокупность структурных ограничений и экзогенные рисков, которые имели место в допандемийный период [8. С. 70]. Что касается предложенных сценариев развития, то в рамках наиболее пессимистического сценария, вторая волна заболеваемости в рамках распространения пандемии, вызванной COVID-19, продолжит оказывать разрушительное воздействие на субъектов малого и среднего бизнеса, а также обусловит дальнейшее падение мирового спроса на объемы российского топливно-сырьевой экспорта [9, с. 549].

Пандемия только на некоторое время отодвинула их на второй план, однако уже в краткосрочной перспективе они неизбежно проявятся с новой силой. Именно по этой причине, для перехода российской экономики в стадию роста с поступательным увеличением необходимых показателей объективно необходимы проведение радикальных структурных реформ, активное привлечение отечественных инвестиций, ускоренная модернизация реального сектора и одновременная адаптация аграрного сегмента к необратимым климатическим изменениям.

Литература

1. *Есин П.А.* Сценарий развития мирового рынка в условиях коронавирусного кризиса // Известия высших учебных заведений. Прикладная нелинейная динамика. 2020. № 28 (2). С. 158–167.
2. Александрова В. А. Влияние мер по борьбе с COVID-19 на мировую экономику // E-SCIO. 2020. № 4 (43). С. 353–360.
3. *Смирнов Е.Н.* Негативное воздействие пандемии коронавируса на процессы экономической глобализации // Актуальные вопросы современной экономики. 2020. № 6. С. 548–556.
4. *Волков Г.Ю.* Приоритетная роль экзогенного фактора при определении вектора внешнеэкономического развития внешнеэкономической деятельности национального государства в условиях глобализации // Социально-экономическое развитие в эпоху глобальных перемен. Т. 2. М.-Тверь: Тверской государственный университет, 2020. С. 217–224.
5. *Удалов Д.В.* Цифровая трансформация социально-экономического пространства // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2020. № 3 (82). С. 33–36.
6. *Бобылева А.З., Аньшин В.М., Птицын А.В.* Новые вызовы: сравнительный анализ международных реактивных антикризисных мер в связи с пандемией COVID-19 // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. № 81. С. 24–48.
7. *Тетерина Д.Ю.* Денежно-кредитная политика центральных банков мира и России в период пандемии коронавируса // Наука через призму времени. 2020. № 5 (38). С. 105–109.
8. *Андрюшин С.А.* Денежно-кредитная политика центральных банков в условиях и после COVID-19 // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. № Т. 14. № 2. С. 223–234.
9. *Кириллов В.Н., Смирнов Е.Н.* Траектория устойчивого роста или очередная разбалансировка механизмов мировой экономики // Вестник МГИМО-Университета. 2019. № 5. С. 64–90.

Volkov Gennady Yurievich, PhD (Econ.), Associate Professor of the International Economic Relations Department, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation).
E-mail: gwolkow061@rambler.ru

PROSPECTS FOR GLOBAL ECONOMIC RECOVERY IN THE POST-PANDEMIC PERIOD UNDER MULTI-TERM SCENARIOS

Abstract

The article analyzes the problems of global economic recovery in modern conditions. The main natural-economic, financial and other factors that determine the development of the Russian economy during the period of overcoming the consequences of the pandemic caused by coronavirus infection are considered.

Keywords: *Russian economy, world economy, recovery process, external debt, investment activity, consumer activity, trade and economic sanctions, ruble weakening process.*

References

1. Esin P.A. Scenarij razvitiya mirovogo rynka v usloviyah koronavirusnogo krizisa // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Prikladnaya nelinejnaya dinamika. 2020. № 28 (2). P. 158–167.
2. Aleksandrova V. A. Vliyanie mer po bor'be s COVID-19 na mirovuyu ekonomiku // E-SCIO. 2020. № 4 (43). P. 353–360.
3. Smirnov E.N. Negativnoe vozdejstvie pandemii koronavirusa na processy ekonomicheskoj globalizacii // Aktual'nye voprosy sovremennoj ekonomiki. 2020. № 6. P. 548–556.
4. Volkov G.YU. Prioritetnaya rol' ekzogennogo faktora pri opredelenii vektora vneshneekonomicheskogo razvitiya vneshneekonomicheskoj deyatel'nosti nacional'nogo gosudarstva v usloviyah globalizacii // Social'no-ekonomicheskoe razvitie v epohu global'nyh peremen. T. 2. M.-Tver': Tverskoj gosudarstvennyj universitet, 2020. P. 217–224.
5. Udalov D.V. Cifrovaya transformaciya social'no-ekonomicheskogo prostranstva // Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo social'no-ekonomicheskogo universiteta. 2020. № 3 (82). P. 33–36.
6. Bobyleva A.Z., An'shin V.M., Pticyn A.V. Novye vyzovy: sravnitel'nyj analiz mezhdunarodnyh reaktivnyh antikrizisnyh mer v svyazi s pandemiej COVID-19 // Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik. 2020. № 81. P. 24–48.
7. Teterina D.YU. Denezhno-kreditnaya politika central'nyh bankov mira i Rossii v period pandemii koronavirusa // Nauka cherez prizmu vremeni. 2020. № 5 (38). P. 105–109.
8. Andryushin S.A. Denezhno-kreditnaya politika central'nyh bankov v usloviyah i posle COVID-19 // Aktual'nye problemy ekonomiki i prava. 2020. № T. 14. № 2. P. 223–234.
9. Kirillov V.N., Smirnov E.N. Traektoriya ustojchivogo rosta ili ocherednaya razbalansirovka mekhanizmov mirovoj ekonomiki // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2019. № 5. P. 64–90.

УДК 330.342.2 DOI: 10.22394/2079-1690-2020-1-3-109-115

О СОДЕРЖАНИИ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ В СФЕРЕ ЭЛЕКТРОННОГО БАНКИНГА: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ

Ипатова Анна Владимировна кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории, Южный федеральный университет (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Горького, 88). E-mail: ipatova_a_v@mail.ru

Кобелева Диана Андреевна студент, бакалавриат, направление «Экономика», Южный федеральный университет (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Горького, 88). E-mail: kobeleva.diana14@yandex.ru

Аннотация

Статья актуализирует необходимость рассмотрения влияния институциональных факторов на формирование цифровой экономики в Российской Федерации. Основной акцент сделан на взаимосвязи происходящих изменений, сопровождающих трансформацию бизнес-процессов и роли государства, позволяющего нивелировать негативные условия глобальных изменений. На примере электронного банкинга проиллюстрировано наличие позитивных и негативных тенденций, способствующих направленности государственной экономической политики на использование модели «институционального проектирования».

***Ключевые слова**: институциональное проектирование, электронный банкинг, цифровая трансформация, банковское обслуживание, банковские процессы, бесконтактные платежи, блокчейн технологии, бизнес-модели, взаимодействие с потребителями.*

Актуальность темы. Построение цифрового банковского института неизбежно требует оптимизации банковских процессов, новой организационной культуры, эффективных ИТ-решений, способных быстро адаптироваться к высокой скорости внедрения новых продуктов. Поэтому современные процессы цифровой трансформации системы финансовых институтов, направлены на формирование качественного изменения во взаимодействии между банками и их клиентами, а также на необходимость новых форм взаимодействия с потребителями. В частности, это связано с усилением конкуренции в сфере банковского обслуживания, ростом применения мировых технологических систем, развитием цифровизации, изменением формата потребления.